

Переводы и комментарии

УКРЫТИЕ ЗА ШИРМОЙ МЕТОДОЛОГИИ¹

Станислав Андрески

Акцент на методологическое совершенство, позволяющее дать ответ только на банальные вопросы – следующая уловка (или хитрость), к которой прибегают значительно чаще по сравнению с непонятным жаргоном. То и другое обычно вытекают из угроз, связанных с недовольством господствующих групп или индивидов, а также с риском уронить собственную репутацию в результате высказывания противоречивых тезисов.

В истории точных наук развитие экспериментальных методов и измерений сыграло ключевую роль. Но оно было взаимосвязано с процессами решения фундаментальных проблем. Мне неизвестен ни один случай методологии, созданной в пустоте или заимствованной целиком из другой сферы, а затем использованной для существенных открытий. Самоочевидная истина состоит в том, что некоторые отрасли математики возникли значительно ранее того времени, когда они впервые были использованы в технике. Наиболее значительным примером могут служить так называемые мнимые числа. Но не следует забывать, что в нынешних разговорах о методологии преимущественно имеют в виду конкретные методы сбора и анализа статистических данных, а не основные принципы индуктивного вывода.

По сути дела, методология есть профилактика. Гигиена может предохранить нас от заразы, но не гарантирует здоровья. Таким же образом методология может предохранить нас от ловушек, но не поможет сформулировать новые идеи. Так называемые индуктивные методы на деле являются методами верификации. Они говорят нам, как проверять гипотезы, но ничего не сообщают о том, как подходить к выдвижению гипотез. Этот последний феномен до сих пор остается столь же таинственным, как и во времена Сократа. Как хорошо известно, для выработки ценной и оригинальной концепции надо обладать талантом, глубокими и разносторонними знаниями, а также постоянно и интенсивно мыслить. Чрезмерный акцент на методологию и исследовательские техники, подобно наукообразным терминам, выражает всеобщую тенденцию переноса ценности целей на средства (примерами чего являются также преобладание муштры в солдатских казармах или скопидомство). То, что первоначально оценивалось как средство, которое служит достижению определенной цели, становится ценностью самой по себе, а первичная цель при этом оказывается забытой. Социолог или психолог, чокнутый на пункте техник или планов исследования, напоминает столяра, который настолько озабочен содержанием инструментов в идеальном порядке, что у него не хватает времени на обработку древесины. В сфере, о которой идет речь, такая тенденция укрепляет чувство бессилия перед лицом беспредельной сложности явлений и страха перед опасными

¹ Публикуется глава 9 из книги: Andreski St. Czarnoksiestwo w naukach społecznych. – Warszawa, Oficyna naukowa, 2002. – Pp. 116–128.

проблемами, скрывающимися в социальных науках. В результате забывают, что самым необходимым средством исследования является свободомыслие.

Главной приманкой механического использования рутинных техник является то, что они обеспечивают массовое производство публикаций без особых усилий ума. Предполагается, что предприимчивый руководитель исследований не должен забивать свою голову проблемами наблюдения или размышления о смысле собственных утверждений. Единственное, что он обязан сделать – это добыть денег и принять на работу людей, которые ее выполнят. Дополнительная польза состоит в том, что, независимо от степени добросовестности и даже честности исследователей, цифры в таблицах ничего не говорят о том, откуда они взялись, а чем больше таких таблиц, тем более они приобретают таинственность.

Вымышленные интервью встречаются намного чаще, чем об этом обычно думают, но о реальных масштабах данного явления никто ничего не знает. Я знаю человека, кого взяли на работу для проведения интервью в различных частях Азии, которые он выдумывал, сидя в пивной. Раньше он работал у другого социолога, который на основе проведенных исследований был избран профессором одного из британских университетов, и совсем не собирался совершить харакири, когда узнал о привычках своего бывшего помощника. Еще более вызывает смех пример института социологии одного из американских университетов, в котором решили создать отдел методологии и для этой цели с большой помпой приняли на работу в качестве профессора человека, который, как позже выяснилось, был уволен с предыдущей работы за фальсификацию результатов при исследовании рынка².

Всем известно, что халатное отношение к выполнению своих обязанностям и нечестность встречаются в любой сфере жизни, а ложные открытия (подобные «открытиям» Лысенко, чтобы привести общеизвестный пример), случаются также в точных науках. Однако появление халатности и обмана зависит от того, сколь долго они могут оставаться незамеченными. Существует глубокая пропасть между исследованиями в сфере экспериментальных наук, результаты которых можно (и обычно осуществляется) проверять бесконечное число раз, и исследованиями уникальных явлений, которые невозможно воспроизвести в лабораторных условиях. Если ты не веришь в то, что тебе говорят на тему определенного металла, ты можешь сам проверить данные, разумеется, при условии, что твой кусок металла не отличается от того, который использовал автор информации, подвергаемой сомнению. Однако если ты сомневаешься в точности и даже достоверности данных на тему китайской промышленности, то что ты можешь сделать, кроме попытки оценить истинную ценность на основе опосредованных данных? Ты не в состоянии даже проверить в полном смысле слова то, что тебе сообщает официальная информация о числе жителей твоего города, и если не веришь официальным данным, то в лучшем случае можешь предполагать, какова истина.

Ревнителю методологии, чокнутые на пункте возможности обоснования собственных рецептов, обычно жестко критикуют любого автора, которого они называют «импрессионистом», особенно если он хорошо пишет интересные книги. Часто ими руководит обычная зависть, поскольку способность увидеть нечто действительно интересное и представить это в занимательной форме требует особого дара, который невозможно обрести путем механического заучивания формул. Тогда как любой умственно нормальный человек может научиться сопоставлению скучных статистических данных, которые считаются социологией. Более того, поскольку любой товар может приносить большую прибыль, если его удастся безнаказанно разводить пожиже, постольку представители социальных наук заинтересованы в продвижении пустословия. И при этом считать злостным стахановцем каждого, кто стремится от-

² Когда я руководил полевым исследователем в Нигерии, я был вынужден уволить почти всех работников-мужчин за выдумывание отчетов из интервью. Женщины оказались более честными или смогли более успешно меня обмануть.

нять у них кусок хлеба посредством сосредоточения в немногих словах большого количества информации.

Ни один другой труд не содержит столь живого и полнокровного образа жизни обычных британских работников, как книги Фердинанда Цвейга. Но именно они подвергались жестокой критике в социологических журналах подвергались наибольшей критике за неаучность.

Нет сомнений в том, что та разновидность социологии, которая представлена в книгах Цвейга, сама по себе недостаточна. Ее надо дополнить статистическими исследованиями, сравнительным анализом, историческими исследованиями и абстрактным дедуктивным рассуждением. К сожалению, у нас нет большого количества трудов, в которых на основе длительного и детального наблюдения были бы представлены те аспекты действительности, которые не фиксируются вопросниками и статистикой. Причиной такого состояния вещей является распространенная догма: недостойно познания то, чего нельзя сосчитать, и потому любая информация, представленная в таблице, становится научной. Таков один из наиболее распространенных предрассудков нашего времени. Его популярность можно объяснить только тем, что он позволяет множеству людей зарабатывать деньги посредством занятий псевдонаукой.

По сравнению с рутинными исследованиями такой тип исследований требует намного больше способностей и усилий. Его нельзя оставлять недоучившимся ассистентам без осуждения на производство банальностей и пустых побасенок, что в настоящее время можно считать болезнью большинства антропологических трудов. Подобно всем человеческим делам пронизательные описания Фердинанда Цвейга могут содержать неточности и ошибки, но с точки зрения количества вложенного в них труда их нельзя назвать импрессионистскими. Конечно, это чисто качественные труды, зато в них представлены проблемы, которые хотя бы частично могут быть исследованы с помощью количественных методов.

Публикуемый ниже фрагмент взят из сборника статей... содержит главные пункты методологических взглядов Цвейга, которые стоит привести:

Проведение интервью не должно быть чисто механистическим. Это должен быть акт, преисполненный благодарности и радости, приносящий пользу обоим сторонам без всяких убытков. По моему самому глубокому убеждению, если он таковым не является, то не выполняет своей основной функции. Нельзя проводить интервью, бомбардируя свою жертву массой скучных и мучительных вопросов для обеих сторон. Единственный способ – сделать интервью социальным актом, который приносит удовлетворение одновременно исследователю и респонденту в процессе обоюдного обмена ради того, чтобы респондент не чувствовал себя жертвой, а действительным партнером, подлинным рассказчиком..

Каждая личность является индивидуальностью, и именно так должна рассматриваться... Искусство проведения интервью имеет личный характер, поскольку основным орудием в ней является личность исследователя... Он должен раскрыть в интервью свою собственную истину, как быть полезным для людей без введения их в озабоченность, как учиться у них не быть слишком надоедливым, как быть интересным без разговора сверх меры, как проявить заинтересованность их личными заботами без высокомерия, как пробуждать доверие, не вызывая замешательства.

Для проведения качественного интервью исследователь должен прежде всего глубоко погружаться в самое себя и понять себя. Без понимания глубин собственного ума, без самосознания такого рода исследователь не в состоянии хорошо понимать человеческие существа. Я глубоко убежден, что тот, кто занимается социальными науками, должен упорно работать над самим собой, улучшая понимание собственного ума. Он должен отличаться не только пониманием самого себя, но и определенной глубиной личности. Под глубиной

я понимаю богатство личного опыта и понимание всей гаммы противоречий в самом себе, которая позволяет ему понять амбивалентные позиции, столь широко распространенные в сложной современности.

Симпатия и теплое отношение к людям ... таковы наиболее ценные средства, которыми располагает исследователь. Ему нужна не только симпатия, но также и то, что называют эмпатией... видом идентификации или способности оказаться в положении другой личности. Однако это только одна сторона медали. Для хорошего проведения интервью требуется применение двух противоположных или, скорее, комплиментарных рациональных техник. С одной стороны, исследователь должен идентифицироваться со своими собеседниками, чтобы в собственном уме реконструировать их опасения и надежды, тревоги и фрустрации, с другой стороны, он должен выработать в себе определенную дистанцию в отношении к ним.

То, что люди говорят по собственной инициативе, намного более истинно чем их ответы на задаваемые вопросы. По этой причине интервью, понятое как социальный акт, лучше вопросника, поскольку позволяет получить большое количество информации, спонтанно выделяемой рассказчиком, что дает материал для новых размышлений и позволяет дополнить отсутствующие звенья в знании или опыте.

Изучение социальной жизни требует выхода за фасад оценок или точек зрения и погружение в их основание, аутентичность и отношение к прошлым и наличным ситуациям.

Ценность интервью можно увеличить благодаря внимательному наблюдению за говорящим, изучению его лица, одежды, жестов, мимики, выражения глаз, румянца или выражения удивления на его лице. Ценность интервью может еще более повыситься, если его удастся провести в естественной среде изучаемого, в его доме или на месте работы, поскольку это позволяет осуществить дополнительные наблюдения; множество искренних ответов на не поставленные вопросы можно получить только благодаря внимательному взгляду (концепт цитаты, с. 120).

Цвейг не напоминает, что подлинное занятие социографией требует знания, писательских способностей и высокой интеллигентности, но и в таком виде его позиция оказывается подрывной с точки зрения менеджеров индустрии социальных исследований. Методологическое идолопоклонство включает несколько странных предрассудков. Первым из них является наивный индукционизм, – убеждение, согласно которому достаточно собрать множество «фактов», чтобы спонтанно возникли теории, объясняющие и предсказывающие действительность. Сторонников такой точки зрения по-прежнему достаточно, несмотря на множество предостережений со стороны выдающихся мыслителей, начиная от Уильяма Вевелла сто лет тому назад.

Вторая важная ошибка доминирующего подхода к методологии социальных наук – избирательная концентрация на измеримых (или мнимо измеримых) аспектах, связанное с абсолютным отсутствием внимания к смыслу слов. В итоге возникают непонятные тексты, переполненные мелочными таблицами и схемами (следствия такого состояния вещей я описал в шестой главе, посвященной социологическому жаргону). Вина здесь восходит не только к продвижению частных интересов, но также к отделению социальных наук от философии. С учетом нестрогости понятий и теорий (за частичным исключением экономики) социальные науки нужна аналитическая философия, чтобы охранять их от логических и семантических ловушек. Существующий раскол между философией и социальными науками, постоянно углубляемый многими учеными с обеих сторон баррикады, которые опасаются совать нос в тайны своих коллег, благоприятствует распространению пустословия. С этой точки зрения ученые даже опережают профсоюзных деятелей с присущей последним провинциальной ментальностью и склонностью к диспутам на тему границ между профессиями. Такая позиция продвинута столь далеко, что обладание знанием на тему А является публичным

признанием доказательства отсутствия знания о В. В результате симпозиумы не понимающих друг друга специалистов часто напоминают хор глухих, которые перекрикивают, но не слушают друг друга.

Поскольку большинство трудов в сфере социальных наук (за исключением экономики) состоит из применения качественного метода описаний, может показаться, что проблема оценки качества изучена основательно, но это не так. Толстые тома на тему методологии посвящаются вопросу, как искать «факты». Но в них ничего не сообщается о том, какие из «фактов» следует зарегистрировать. Это значит, что во всей литературе такого рода вообще не рассматривается фундаментальный вопрос о критериях определения ценности метода описания.

Количественные методы исследования общества разработаны П. Лазарсфельдом и его учениками в США и Европе. Эти труды следует признать рафинированными и ревелицияными. По сравнению с бесплодными сочинениями учеников Парсонса они представляют свершения совершенно другого калибра. Однако сторонники чересчур рафинированных методов исследования общества, несмотря на следование освященным правилам, напоминают героев старых фильмов типа Чарли Чаплина, в которых боксеры тренировали мышцы, делали энергичные приседания, грозные мины и задирающие жесты, а потом избегали боя. Лучший способ проверки качества пищи – съесть ее с аппетитом. Тогда как фанатики методологического ригоризма подобны повару, который гордо показывает на свои прекрасные горшки, миксеры и устройства для сечки капусты, но не в состоянии приготовить нечто такое, что можно было бы взять в рот. Кстати сказать, в искусстве приготовления пищи, по аналогии с социальными науками, тоже можно наблюдать значительное падение качества продукции по мере того, как приборы для приготовления пищи становятся все более совершенными.

Несмотря на многочисленные предсказания коренного перелома в сфере социального знания, рафинированные методы количественных исследований в социологии и политических науках до сих пор не позволяли сделать никаких открытий, которые в значительной степени помогли бы нам предвидеть политические события или социальные изменения. В этом нет ничего удивительного, если учесть, что в лагере фанатиков методологии не высказано никаких новых идей относительно причин или следствий конкретных явлений. Почти во всех случаях мы сталкиваемся здесь с ситуацией, в которой гора родила мышь. После изучения сотен таблиц и схем приходишь к главному открытию (разумеется, сформулированному наиболее темным способом) и узнаешь, что люди любят быть предметом интереса, что они подвержены влиянию лиц, с которыми общаются, во что я вполне верю, так как моя бабушка сообщала мне это многократно, когда я был в детском возрасте. В книге «Личное влияние» П. Лазарсфельд и Э. Кац стремятся освободить СМИ от обвинений в чрезмерном влиянии, доказывая, что люди обращают больше внимания на сообщения своих друзей, чем на то, что они узнают из газет. Но проблема в том, что друзья подвержены влиянию тех же самых СМИ. Конечно, можно найти объяснение (как это делает Лазарсфельд) причин того, почему на основе новых средств исследования еще не совершили никаких великих открытий, – сославшись на то, что новые методы еще недостаточно разработаны. Но если мы еще приложим каплю усилий в их улучшение, то сломаем дверь в святыню строгих социальных наук. Никто не сможет доказать, что Мессия никогда не придет, но является ли это причиной веры в Мессию?

Ученые должны иметь возможность развивать свои идеи, и никто не имеет права им противодействовать, если они проводят эксперименты с помощью нового метода, который еще не дал никаких результатов. Но, с другой стороны, исследователи, которые проводят такие эксперименты, должны быть честными и толерантными. Они должны признать, что до сих пор по существенным вопросам их открытия были поверхностными, и согласиться, что

решения важных эмпирических проблем следует искать при использовании менее ригористических методов. А поскольку такие эксперименты проводятся уже несколько десятков лет без всяких определенных результатов, ученые должны воздержаться от критики тех, кто ищет хотя бы половинчатые ответы, не ожидая разработки совершенных методов верификации. Однако ученые обычно ведут себя как сектанты: они осуждают качественные исследования как ненаучные и стремятся отодвинуть сторонников качественных исследований от дидактического и исследовательского труда.

Вследствие стремления использовать престиж естественных наук забота о методологии сосредоточена главным образом на количественных методах за счет таких привычных навыков, как анализ писанных текстов, литературная правильность или семантическая впечатлительность, которыми должен владеть каждый, кто занимается социальными науками, даже экономисты. Некоторые примеры невежества могут даже рассмешить: во время конференции в Нью-Йорке я выслушал доклад, посвященный крайне эзотеричным аспектам методологии, автор которого последовательно употреблял слова «подозреваемый» вместо «подозрительный», говоря, например, что его подозревают к том или другом. Он не сделал это раз или два, что могло бы означать оговорку, но многократно на протяжении всего доклада. Поскольку у слушателей не появилось никаких признаков веселья, я подумал, что они тоже не поняли столь тонкого различия.

Крайне незначительное число проблем можно адекватно анализировать с помощью технологий, которые описываются в обязательных учебниках. Поэтому преимущественный интерес к методологии гарантирует алиби тем, кто практикует нечто вроде робкого квиетизма. Результаты можно обнаружить в указателях содержания журналов. Трудно было бы понять, каковы наиболее жгучие социальные проблемы существуют в США, читая американские социологические журналы. Более того, даже если бы мы знали эти проблемы, «научная» периодика несколько не обогатила бы наши знания, и мы вынуждены были бы обратиться к месячникам типа журналов «Комментарии» или «Наблюдатель». Даже популярный еженедельник «Тайм» дает больше сведений об американском обществе, чем все вместе взятые социологические журналы. Между тем дело обстояло совершенно иначе до распространения социологического жаргона и методологического идолопоклонства (В сноску: Вышеприведенные предложения фиксирую общий тренд и допускают исключения. Время от времени появляются публикации, обсуждающие важные социальные проблемы в свете статистических данных. Хорошим примером является книга см. на с. 124), которая пробудила страстную полемику. Хотя она была написана со знанием предмета и спокойно, без тени нападок и лживости, ее авторы вынуждены были вести себя осторожно по причине крикливых демонстраций, угроз и даже попыток их побить. Так можно убедиться, что даже в стране, в которой свобода слова гарантирует свободу слова, работа в социальной науке остается небезопасной).

Однако чрезмерная сосредоточенность на непосредственной практической пользе может помешать не только теоретическим, но и прикладным наукам, поскольку те и другие часто используют опосредованный подход. Но одно дело, когда мы отвергаем требования, налагаемые заинтересованностью в немедленной практической пользе, и совсем другое – намеренный отказ от любых практических проблем. В пользу выбора второго варианта трудно привести какие-либо содержательные аргументы. Истина в том, что многие выдающиеся открытия в сфере химии или физики были совершены благодаря желанию получить знание, однако исследования, которые к ним привели (даже в зародыше), не были сознательно отделены от техники, а нередко были даже с нею связаны.

Разумеется, методологическая заслонка не является единственным способом обойти подлинные проблемы, поскольку давно известна рекомендация: чтобы избежать неудобных

вопросов лучше всего непрерывно говорить о чем-либо другом. В социальных науках есть множество тем, которые для этого прекрасно подходят, начиная от бесконечного повторения терминов «роль», «структура», «рамки отнесенности» и заканчивая исключительно эзотерическими неологизмами.

Методологический пуризм отвлекает внимание от щекотливых проблем, благодаря чему укрепляет любое возможное статус-кво, что объясняет успех его апостолов и широкое признание провозглашаемых им принципов. Мало того, пуризм дополнительно обеспечивает возможность проведения исследований общества в такой изоляции, чтобы их результаты не нарушали положение общепринятых догм – консервативных или революционных. Поэтому многие марксисты летят на него как мухи на мед. Пуризм позволяет им идти в ногу с современностью при одновременном соблюдении старосветских догматов. Ибо трудно поверить, что сказанное Марксом сто лет назад остается последним словом науки, если знать теории других мыслителей с не менее широкими горизонтами. Особенно знакомство с творчеством писателей, предшествующих Марксу, лишает его мнимой божественности, не отрицая его имени творческого мыслителя.

Если держать свой нос постоянно засунутым в статистики и вопросники, то можно избежать сомнения в главных принципах обязательной идеологии и принять любые мифы, которые удовлетворяют любые желания. Более того, методологию можно использовать как прекрасную дымную заслонку. В Латинской Америке я встречал коммунистических агентов, которые в качестве академических преподавателей излагали чистую методологию социологических исследований и даже не упоминали о реальных проблемах, хотя именно они были предметом их шпионажа. При господстве коммунистов (то же самое относится ко многим авторитарным государствам) методология была единственным аспектом социальных наук, которой можно было творчески заниматься без обслуживания идеологии и пропаганды лжи, что тоже объясняет ее популярность. Проблемы возникают при попытке использования любого из рекламированных методов для поиска ответа на любые важные вопросы без фальсификации данных – такая ситуация нередко имела место в научной среде Польши и Чехословакии. Трудно обвинять кого-либо за сокрытие под занавесом методологии, если за несколько неосторожно высказанных слов его могут лишиться работы или посадить в тюрьму. Но в то же время несколько не привлекательна и такая ситуация, когда люди живут в достатке и им не угрожает указанные опасности, но они прибегают к аналогичной тактике ради получения гранта, который позволяет осуществить несколько зарубежных путешествий или провести длительные каникулы в комфортном месте (разумеется, оплаченных из чужого кармана и приправленных шансом похвастать собственным красноречием). Среди множества подобных трюков особого упоминания заслуживает симуляция или моделирование ситуаций и событий. Собственно говоря, здесь нет ничего нового, поскольку военные игры (или симуляция боевых действий на малом уровне в отличие от симуляций нормального уровня во время маневров) были известны еще до Наполеона. Если такие методы могут использоваться для воспитания (учебы) офицеров, то нетрудно предположить, что их нельзя применять в отношении бизнесменов, менеджеров и дипломатов. Однако я никогда не слышал, чтобы кто-то стал хорошим руководителем или предпринимателем главным образом (если не сказать исключительно) благодаря таким методам, и не думаю, что это вообще возможно. Даже проведенные на высоком уровне полновесные маневры не являются достоверным определителем успеха на поле битвы. Нередко бывает так, что многообещающие генералы мирного времени устраняются от руководства, едва начинается война.

Несмотря на неизбежные упрощения игра, симулирующая международную дипломатию, может помочь студентам истории или политологии увидеть сложность процесса принятия политических решений, естественно, при условии, что она в достаточной степени напо-

минает реальность, что удастся далеко не всегда. Я помню забавное событие во время конференции, посвященной использованию социальных наук в исторических исследованиях: один из участников сообщил, как в своем коллективе он использовал метод симуляции, чтобы лучше понять причины первой мировой войны. После его сообщения о том, что один из участников сыграл ключевую роль короля Сербии, поднялся югославский историк и сказал: в момент начала первой мировой войны король Петр был помешанным и не принимал участия в политической жизни.

Даже если симулирующие игры основаны на более достоверных данных и могут облегчить новичкам понимание запутанных ситуаций, – они не помогают экспертам, поскольку в них невозможно воспроизвести ни коллективные психозы и иллюзии, ни индивидуальные страхи и мании, ни факторы типа крепких нервов, а все это существенно влияет на течение событий. Используемые в процессе принятия решений методы симуляции имеют существенный недостаток: в них сосредоточено внимание на оптимизации решений на основе исходных принципов (посылок), а не на поиске их достоверности. Но наибольшие ошибки совершают, когда принимают принципы, которые кажутся настолько очевидными, что никому не приходит в голову в них усомниться. В принципе этот процесс можно преобразовать и использовать создание моделей для анализа скрытых посылок, лежащих в основании каких-либо решений или объяснительных теорий. Однако на практике модели симуляции, за исключением строгих конструктов, которые относятся к измеримым явлениям (типа дорожного движения или денежных транзакций), часто становятся магическими действиями, которые расходятся с действительностью и наукой, и служат лишь для того, чтобы втереть людям очки.

Наибольшая опасность вытекает из убеждения: если определенные данные можно воспринимать с количественно и преобразовать с помощью компьютера, то они важнее того, что мы не способны измерить. Видимо, именно этот тип ошибки привел к принятию решения об отправке американских солдат во Вьетнам: число вооружения и амуниции, а также число солдат были скрупулезно подсчитаны. Но не приняли во внимание факторы психической природы, хотя даже крошечная способность поставить себя в ситуацию другого и более широкое знание истории позволили бы предвидеть, какими будут последствия массового прибытия в указанную часть мира армии, которая состоит из совершенно чуждых с расовой и культурной точек зрения, национально невежественных, самоуверенных и прекрасно оплачиваемых солдат. Другим поводом принятия столь фатального решения были, с одной стороны, недооценка характера и способностей местных крестьян, которые живут в нищете, зато привычны к трудам и дням жизни и смерти, а с другой стороны – переоценка боеспособности перекормленных, разнеженных и капризных американских парней. Эти ошибочные оценки были следствием скрытого убеждения в расовом превосходстве американцев, а также языческой веры в то, что высокое потребление гарантирует гигантскую силу. Но и этого мало: в данном решении скрыт еще один предрассудок: вера в то, что поскольку коммунизм есть зло, то его может поддерживать только ничтожное меньшинство, которое с помощью силы подчиняет себе противостоящее ему большинство, – что было правильным в отношении к Польше, Чехословакии, Венгрии и частично России. Возможность аутентичного обращения в коммунизм всей нации (или хотя бы ее наиболее активной и идеалистической части) совершенно не принималась во внимание, хотя поражение операции в Заливе Свиней на Кубе должно было научить Пентагон, что коммунистический диктатор в целом не обязан быть лишен поддержки множества фанатичных сторонников. К той же самой категории опасных фикций принадлежало убеждение: коммунизм и национализм естественным образом противостоят друг другу, что было истиной в случае Польши, Венгрии и Чехословакии, но не во Вьетнаме и Китае, в котором маоисты всегда были намного большими националистами, чем

Чан Кайши. Но хуже всего то, что, несмотря на уроки, которые надо было извлечь из событий в Германии в конце второй мировой войны, применялась глупая тактика массированных бомбардировок без определенной цели в убеждении, что вьетнамцев можно легко испугать. Следствия оказались противоположны намерениям. И в коммунизм обратилось намного больше людей, чем когда бы то ни было, в том числе многие члены коррумпированной армии и бюрократии диктаторов в Сайгоне. Но поскольку анализ событий во Вьетнаме не является моей целью, не буду добавлять очередные пункты к этому списку труднодостижимых факторов. Только подчеркну, что до тех пор, пока они выступали и оказывали влияние на политические решения, ни компьютеры, ни рафинированные техники создания моделей не были достаточны для осуществления рациональных выборов. И могут оказаться даже опасными, если создадут у лиц, принимающих решения, иллюзорное убеждение в обладании достаточным знанием.

Такое злоупотребление методологией вызывает появление не менее опасных антитез, постулирующих отбрасывание основных принципов логики и научного анализа, а также пренебрежение наукой. Это стимулирует возрождению древнего мистического убеждения: истину можно открыть без систематического исследования, на основе сентиментальных и даже психологических созерцаний, не требующих никаких усилий.

Перевод с польского языка В.П. Макаренко